

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44
Ф59

Серия «MustRead — Прочеть всем!»

Joseph Fink
Jeffrey Cranor
IT DEVOURS!

Перевод с английского *С. Алукард*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения авторов
при содействии литературных агентств
Writers House LLC и Synopsis Literary Agency.

Финк, Джозеф.

Ф59 Исчезающий город : [роман] / Джозеф Финк, Джеффри Крэйноор ; [пер. с англ. С. Алукард]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (MustRead — Прочеть всем!).

ISBN 978-5-17-112564-6

И снова добро пожаловать в Найт-Вэйл.

Милый городок в пустыне, где светит жаркое солнце, сияет дивная луна и загадочные огни проносятся над головой, когда все делают вид, что спят.

Здесь живут привидения, ангелы, пришельцы и... вполне обычные люди. Казалось бы, странные события для этого городка — неотъемлемая часть повседневной жизни. Так было всегда, пока по всему Найт-Вэйлу не стали появляться загадочные глубокие воронки...

Именно поэтому ведущий ученый Найт-Вэйла Карлос поручает своей новой помощнице Ниланджане провести расследование. Уже очень скоро оно приведет ее к радостным последованиям Улыбающегося Бога, которые задумали провести очень даже коварный ритуал. Ритуал, способный вызвать их бога и... уничтожить Найт-Вэйл.

Теперь Ниланджане предстоит найти союзников среди последователей культа и понять, как можно спасти город и его обитателей.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Joseph Fink, Jeffrey Cranor, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-112564-6

*Посвящается Джиллиан Суини
и Мег Бэшуинер*

Глава 1

Не все верят в горы, но они все же существуют в пределах прямой видимости.

Ученые утверждают, хоть и довольно осторожно, что горы представляют собой выпирающие вверх результаты тектонических сдвигов массивных пластов горных пород. Горы формировались естественным путем в течение многих тысячелетий, торопливо добавляют ученые.

Большинство людей полагает, что гор вовсе не существует. Даже когда они видны, как это часто случается, не верящие в них объяснят, что наш разум создает сенсорные фантомы, чтобы разъяснить то, что мы не можем понять, вроде очертаний богов, или чудовищ в звездных скоплениях, или тайных посланий в чайных листиках, а также правительственных шифров в узорах облаков на небе.

Горы, реальные или нет, обрамляют пустыню, словно кайма на пустой большой тарелке. Посередине находятся разбросанные по равнине города с названиями вроде Красная Столовая Гора и Сосновый Утес, а прямо в центре располагается Найт-Вэйл.

Над Найт-Вэйлом кружат вертолеты, защищая граждан от них самих и всех прочих. Над вертолетами висят звезды, которые совершенно бессмысленны. Над звездами — пустота, которая полна самых разных смыслов.

По этому оживленному небу часто проплывают загадочные огни. Они представляют собой всего лишь

космические корабли пришельцев или ауры, оставленные путешественниками между разными измерениями, но эти простые объяснения скучны и банальны. Жители Найт-Вэйла часто рассказывают замысловатые истории, чтобы объяснить наличие этих огней самим себе. («Когда-то небо влюбилось в скалу. Но тысячелетние ветра своим дуновением превратили ее в пыль. Небо, ничего не понимая, по-прежнему посылает сигналы покинувшей его подруге. Скала так никогда ничего и не узнала о небе. Она любила лишь ветер, который медленно разрушал ее».) Иногда совсем неплохо найти какое-нибудь красивое, пусть и неверное объяснение.

В центре Найт-Вэйла, как и во многих других городах, располагается деловой район со всеми его атрибутами: мэрией, городской радиостанцией, фигурами в капюшонах, библиотекой, мерцающей воронкой, огороженной желтой полицейской лентой, опасными бродячими собаками и пропагандистскими громкоговорителями на каждом углу.

За деловым центром находится Старый город, жилой район с магазинами, спроектированный и застроенный во время экономического бума 1930-х. После войны он пришел в упадок, но в последние годы переживает новый подъем, что выражается в росте числа домовладельцев, магазинов, высоких металлических деревьев и диких кошек.

За Старым городом простираются песчаные пустоши, которые представляют собой именно то, что вы думаете. А за песчаными пустошами лежит лесостепь, являющаяся чем-то вроде того, что вы думаете. За лесостепью находится стоянка подержанных машин, дом Старухи Джози и, наконец, на самом краю города, дом Ларри Лероя.

Ларри Лерой всегда, сколько себя помнил, жил один. У него был телефон — сломанный — и машина без колес, установленная на заднем дворе на четырех бетонных тумбах. Под машиной у него был подземный

склад, забитый консервами, питьевой водой и годичным запасом свиных сосисок в животном жире. Когда-то у Ларри был дробовик, но он обменял его на машину без колес, рассудив, что такая машина куда безопаснее дробовика. Несмотря на дружелюбные напоминания филиала Национальной стрелковой ассоциации — «Оружие не убивает людей. Оружие — это новая капуста. Оружие чертовски полезно для здоровья», — он никогда не чувствовал себя в безопасности рядом с ним.

Когда Ларри исполнилось двадцать, отец взял его с собой на охоту. Ларри недолюбливал отца. Но и не то чтобы ненавидел. Как-то раз, когда он полез в багажник отцовского пикапа за дробовиком, пристроившийся на стволе скорпион впился ему в руку. С тех пор он относился к оружию с недоверием.

Сами же скорпионы Ларри нравились. В конце концов, ведь они поедают белок, которых он по-настоящему ненавидел. Ларри редко обращал внимание на нелогичность, с какой в мозгу у человека развиваются различные фобии.

В тот вечер Ларри склонился над лежавшей на столе коробкой из-под обуви. Он осторожно приклеивал крохотные коричневые усы, сделанные из полоски древесной коры, на миниатюрное лицо Уильяма Эдуарда Бёркхардта Дюбуа. Еще ему требовалось соорудить ручное лазерное орудие, которым был известен Дюбуа. Ларри услышал звуки, похожие на царапанье беличьих коготков у него в подвале, и с надеждой подумал, что скорпионы, возможно, проголодались. Его внимание привлекла миниатюрная версия пятиглавого дракона по имени Рейчел Макдэниелс, на котором Дюбуа часто восседал, когда произносил свои речи. С позиции своего морального и физического авторитета Дюбуа обращался к интеллектуалам и политикам, стоявшим на пути обретения равных прав для чернокожих американцев. Он также обращался к ним со спины летающего дракона.

Ларри сооружал диораму в ознаменование знаменитого поражения, нанесенного Дюбуа германской армии в 1915 году. Она изображала его и Рейчел в библиотеке, где они соединили ладони над экземпляром заявления о капитуляции в жесте «дай пять».

Ларри, обожавший этого героя войны и великого защитника прав человека, бережно поместил воссозданного в мельчайших подробностях Дюбуа в картонную коробку из-под обуви. Семья Ларри никогда особо не увлекалась историей, и домашние частенько ему говорили, что история не существует, потому что она больше не происходит. В тот момент, когда что-то происходит, твердили они каждый вечер за ужином, оно исчезает, переходя в область вымыслов памяти. Они произносили эти слова, склонив головы, а потом начинали есть.

Возможно, он был мятежным юношей. Или же, вероятно, ему просто хотелось вникнуть в мифы человеческой истории — порой чудесные, а порой трагические. Он обожал своих героев: Уильяма Эдуарда Бёркхардта Дюбуа, Хелен Келлер, Редда Фокса, Луиса Вальдеса, Тони Моррисон. Он считал своим долгом помогать сохранять их наследие, трепетно почитая их великие биографии и дела, чтобы они по-прежнему существовали в настоящем. История реальна безотносительно к правде, частенько говаривал Ларри, и она не в словах, а в делах.

Миниатюрные костюмы, усы и бороды, раскрашенные модели обстановки — все эти предметы были не больше среднего пальца Ларри. Чтобы их изготовить, требовались верный глаз и твердая рука. В отличие от других людей, Ларри с возрастом становился все более уверенным в себе, более точным в своей медлительности. Он ловко и аккуратно прикрепил усы под носом великого интеллектуала Дюбуа и взялся за пинцет, чтобы приступить к работе над задним планом диорамы, представлявшим собой библиотеку.

Вдруг Ларри услышал негромкое жужжание и почувствовал, как оно отдается по всему его телу. Шум

раздавался волнообразно, плавно нарастая и затихая, легко убаюкивая подсознание человека, целиком погруженного в работу. Амплитудные колебания звуков ускорялись, вскоре перейдя от ровного завывания в прерывистый рев. Металлические тарелки и чашки в кухне, построенной и оборудованной собственными руками Ларри, начали дребезжать первыми, затем последовал скрип крыши о металлические стропила.

Ларри взглянул на пришпиленный к стене календарь землетрясений. Каждый месяц подобные календари доставляли служащие неназванных, но грозных правительственных агентств, посреди ночи подсовывая под дверь большие коричневые конверты. Согласно календарю, на сегодня землетрясение не намечалось.

Ларри посмотрел на У.Э.Б. Дюбуа и Рейчел Макдэниелс в их обширной академической библиотеке. Капелька пота размером с голову Дюбуа упала на спину Макдэниелс, размазав краску и сбив только что приклеенные шипы.

Ларри вытер лоб. Потел он нечасто, даже в раскаленных песках. «Это же сухой жар», — часто говорят другим людям обитатели пустыни, пытаясь скрыть, что сами себя обманывают. Но сегодня жара была необычной. Ларри ощущал ее не в воздухе, а внизу, под ботинками, — это не пекло солнце, а что-то нагревалось от трения. Песок под клееной фанерой буквально горел, будто друг о друга скреблись два мира.

Коричневая майка-безрукавка Ларри намочила под мышками. Он слышал грохот металлических тарелок и чашек, падавших из ящиков без дверец. Тряслось все — земля, дом и он сам. Это было не плавное качание и смещение землетрясения под контролем правительства. Создавалось ощущение ударов снизу. По пустыне словно колотил гигантский подземный кулак.

Ларри встал и кое-как добрался до гостиной, но тут раздался очередной резкий толчок, и весь дом затрясся. Ларри качнуло вперед, и он ударился лицом о косяк открытой входной двери.

Ларри боялся только за свои диорамы. Он знал, что однажды придет Конец всему, и задолго до этого наступит конец ему самому. Он не был столь пафосен, чтобы соотносить свою смерть с Концом, — это будет просто один из миллиардов концов, предшествующих большому Концу. Смерть есть конец лишь в том случае, если ты полагаешь, что вся история — это про тебя.

Ларри знал, что однажды его найдут мертвым в его доме на самом краю города. Его это не волновало. Да, у него нет детей, однако наследие, заключающееся в детях, довольно ограничено. Не многим людям известны все подробности их родовых отношений дальше бабушек и дедушек, а многие люди не помнят даже это поколение. Два поколения памяти — вот все, что дают дети, а потом всех забывают. Но он оставит после себя полки письменных трудов, диорамы и пестрые лоскутные одеяла. Он создавал рукотворную историю, пытаясь сделать бессмертными своих героев, и, возможно, таким же образом продлить свою историю. Он хотел, чтобы вместо короткого некролога в «Ежедневной газете Найт-Вэйла» его смерть стала историей открытия его огромной коллекции, трудов всей его закончившейся жизни.

Он уже написал письма Саре Султан, президенту городского колледжа Найт-Вэйла (с указаниями передать его диорамы на художественный факультет), Линн Харт, редактору «Ежедневной газеты», и Сесилу Палмеру, ведущему городской радиостанции (с некрологом, написанным на свою смерть и на кончины Линн и Сесила), а также Мишель Нгуен, владелице фирмы звукозаписи «Дарк оул рекордз», которая, несомненно, с удовольствием бы унаследовала его собрание полек, написанных, исполненных и записанных им самим при помощи концертино и микрокассетного магнитофона. Мишель с отвращением относилась к любой музыке, достаточно популярной, чтобы ее слушал кто-то кроме нее и персонала «Дарк оул», так что мелодии Ларри приняли бы с радостью.

Согласно завещанию, письма должны быть доставлены, а его имущество распределено в соответствии с его последней волей.

Его художественные и научные проекты были его детьми, наследием, которое, как он надеялся, проживет гораздо дольше, чем два беспмятных поколения людей.

Ларри почувствовал, что у него начинает распухать щека, которой он ударился о дверной косяк. Он вернулся в дом. Тяжелые удары снизу рушили его кухню и гостиную. Он увидел, как обвалились стены и потолок, превратившись в щебень и пыль. Страницы его книг и личных заметок взметнулись вверх, к вертолетам и звездам, и лениво закачались на ветру, словно свихнувшиеся голуби.

Шатаясь, Ларри двинулся вперед, растопырив руки, держась за то, что осталось от стен, чтобы не упасть, и повернул за угол в свою студию. Диорама с Дюбуа и Макдэниелс оказалась слегка поврежденной, но вполне восстанавливаемой. Он взял ее в руки.

Стена с другими диорамами устояла — десятилетия кропотливой работы и филигранного мастерства. «Гордость и предубеждение», самая первая его диорама, все еще демонстрировала наивность новичка, но вместе с тем — смелость начинающего художника. Меч Элизабет Беннет был испачкан кровью (Ларри использовал свою). А для ее глаз он взял шлифованный оникс. В какой бы части комнаты ни встать, Беннет будет взирать на тебя со страстью и жадной мести, которыми известна эта опасная литературная злодейка.

Ларри поставил коробку с Дюбуа на рабочий стол и подошел к стене с диорамами. Над витринами были прочно закреплены длинные оконца из плексигласа. От ударов пол под ним ходил ходуном. Ларри слегка потянул за каждую полку: хоть он и видел, что они вне опасности, но желал в этом убедиться.

И тут половица под ногами Ларри переломилась. Он потерял было равновесие, но не упал, ухватившись

за опорную балку рядом с полками. Еще один оглушительный удар — и половина его рабочего стола скрылась в расширявшейся на полу воронке. Ларри увидел, как коробка с Дюбуа скользит к ее краю, и прыгнул. Он редко прыгал или делал что-нибудь быстро, но в этот раз продемонстрировал удивительное проворство. Схватив коробку, он оттолкнулся правой ногой от скрывавшегося внизу стула и, не глядя, бросился к дальней стене, врезался в нее, но умудрился не выпустить из рук крепко прижатую к груди диораму со своим любимым оратором.

Повисла долгая тишина, нарушаемая лишь дыханием Ларри. Он услышал, как на пол упала капля пота. От земли тянуло жаром. Ноги у него начало сводить судорогой, голова слегка кружилась. Он вынес диораму с Дюбуа наружу и осторожно поставил на землю на безопасном расстоянии от шатающегося здания. Потом вытянул из канавы тачку и ринулся обратно в рушащийся дом.

Ларри побросал в тачку все важные документы, которые смог найти, вместе с письмами жителям Найт-Вэйла, потом схватил пьесы и поэмы собственного сочинения и рванул в студию, изо всех сил толкая перед собой уже наполовину загруженную тачку. Там он аккуратно сложил в нее свои диорамы, одну на другую, и труды всей его жизни образовали пирамиду из красок, пластика и бумаги.

Ларри услышал, как затрещал потолок. Он положил шедевр Джейн Остен поверх остальных, и в этот момент раздался громкий и резкий хруст. У него сразу же зазвенело в ушах. Он упал, точнее соскользнул, на колени. Пол под ним выгнулся, пустые полки рухнули. Ларри заглянул в воронку и увидел падающие грязь, дерево и плексиглас — падающие и ни во что не попадающие. В этой воронке он увидел глубокую и бесконечную пустоту.

Пол сорвало, и деревянные половицы стало затягивать в воронку. Ларри пытался уцепиться ботин-

ками за стремительно кренившуюся поверхность. Он сильно толкнул тачку, надеясь, что даже если ему не удастся выкарабкаться, то, по крайней мере, у диорам останется хоть какой-то шанс. Тачка, покачиваясь, проехала с полметра, но потом покатила обратно к нему. Пирамида трудов всей его жизни накренилась, готовая вот-вот рассыпаться.

Ботинки Ларри заскользили по полу. Он с силой толкнул тачку еще раз, не сгибая колен, вскинув все тело вверх. Он толкал тачку по кренившемуся полу, напрягая все силы, но, в конце концов, достиг сцепления и двинулся вперед. Он перекатил тачку через край ямы и выпрыгнул прямо в гостиную, подальше от разверзавшейся позади него воронки, потом завернул за угол и ринулся к входной двери.

В тусклом свете догоравшего над пустыней дня Ларри добрался до внутреннего дворика. Прочь отсюда, в сторону заката, подальше от рушащегося дома, к оседающей земле.

Лужайка перед домом — галька пополам с грязью и голые кусты — исчезла. Все до самой канавы представляло собой зияющую яму. Земля перед ним полностью канула в никуда, а вместе с ней У.Э.Б. Дюбуа и Рейчел Макдэниелс.

У Ларри едва хватило времени, чтобы осознать случившееся, когда последовал еще один толчок — последний и самый ужасный, хоть он тогда об этом не подозревал. На несколько шагов впереди песок потянуло вниз. Ларри обожгло ладони — это деревянные ручки тачки вырвало из его рук. Глаза Элизабет Беннет злобно сверкнули оранжевым пламенем, когда она исчезала в пустоте вместе с другими обожаемыми им героями. Ларри смотрел, как все доказательства того, что он когда-либо существовал, падали в разверзнувшуюся бездну. Он таращился на уходившую из-под его ног землю, на звезды и пустоту, ринувшиеся вверх от него.

Когда земля исчезла у него из-под ног и он стал падать в глубокое ничто, Ларри все еще не мог поверить